

Эпидемия разразилась внезапно, застав всех врасплох.

После начала бедствия прошла ещё неделя. Любой наблюдательный человек уже мог заметить, что в самый разгар дня живые мертвецы снаружи двигались очень медленно, зато по ночам становились особенно возбуждёнными.

Все эти дни выжившие в жилом комплексе «Сяюэ» прятались по домам и наблюдали за происходящим, надеясь, что военные придут их спасать.

Однако время шло, запасы еды стремительно подходили к концу, и люди начинали всё сильнее тревожиться.

Мо Фэйна напряжённо смотрела на Ло Даханя, возившегося с радиоприёмником.

— Муж, всё ещё ничего не слышно?

Ло Дахань с мрачным лицом покачал головой.

— Сигнала нет.

— И что теперь делать?

Мо Фэйна в раздражении вцепилась пальцами в волосы.

— Если нас так никто и не придёт спасать, мы ведь просто умрём дома с голоду! Неужели государство нас бросило?

Ло Яоцзу погладил живот и жалобно простонал:

— Папа, мама, я так есть хочу...

Мо Фэйна с жалостью посмотрела на сына и погладила его по голове.

— Потерпи ещё немного, хороший. Дома уже совсем нечего есть.

Ло Яоцзу раздражённо сбил её руку.

И тут он услышал какой-то шум за окном. Осторожно подобравшись к нему, он тут же оживился.

— Папа, мама! Из дома напротив вышли несколько мужчин!

Услышав это, Мо Фэйна и Ло Дахань поспешно подошли к окну и осторожно выглянули наружу.

И действительно, внизу стояли пятеро мужчин с кухонными ножами и палками в руках, настороженно оглядываясь по сторонам. Стоило какому-нибудь медленно бредущему живому мертвецу приблизиться, как его тут же били палкой.

Те, кто был посмелее, орудовали самодельными мачете. Отбросив живых мертвецов, вся группа поспешно направилась прочь.

За плечами у них висели рюкзаки и сумки самых разных размеров. С первого взгляда было понятно: они решили рискнуть и выйти наружу на поиски припасов.

Мо Фэйна и Ло Дахань переглянулись.

Через некоторое время оба посмотрели на молча сидевшего в углу юношу.

Семья долго хранила тишину. Слышалось лишь шипение радиоприёмника.

В конце концов первым молчание нарушил Ло Яоцзу, снова начав жаловаться на голод.

— Папа, мама, я правда больше не могу. Я сейчас с голоду умру.

Мо Фэйна и Ло Дахань одновременно посмотрели на юношу.

Тот плотно сжал губы, делая вид, будто не замечает надежды в их глазах.

Ему ведь тоже было страшно.

После того как он увидел такую жестокую сцену, как он мог осмелиться выйти наружу?

Видя, что Мо Фэйна и Ло Дахань молчат, Ло Яоцзу разозлился и повысил голос:

— Так отправьте брата за едой! Иначе мы все умрём с голоду!

Его голос привлёк внимание живых мертвецов, засевших в подъезде. Услышав за дверью сиплое «хэ-хэ», он испуганно тут же закрыл рот.

Мо Фэйна и Ло Дахань даже не отругали Ло Яоцзу, а лишь продолжили выжидающе смотреть на юношу.

Спустя долгое время Мо Фэйна поправила волосы.

— Мо Ли, у твоей тётки здоровье слабое, да и женщина я — для меня снаружи слишком опасно. А твой дядя ногу повредил. Не отправлять же его искать еду, правда?

— Почему бы тебе не пойти следом за теми старшими братьями, которых мы только что видели? Они увидят, что ты ребёнок, и наверняка о тебе позаботятся! Только будь с ними послаще, шевелись побыстрее и принеси домой побольше припасов. Понял?

Юноша по-прежнему молчал.

Мо Фэйна повторила всё ещё раз, а закончив, даже толкнула его.

— Что ты за ребёнок такой невоспитанный? Не можешь у младшего брата поучиться? Взрослый с тобой разговаривает, а ты даже не отвечаешь!

Юноша поднял глаза и тихо сказал:

— Раз младший брат во всём лучше меня, тогда отправьте его. Он сильнее меня, говорить умеет приятнее и с людьми лучше ладит.

Ло Яоцзу неверяще уставился на юношу, который вдруг осмелился огрызнуться.

— Что ты сказал? Ты хочешь, чтобы пошёл я? С чего это мне идти? Разве не ты должен?

Ло Дахань холодно фыркнул и впился в юношу тяжёлым взглядом.

— Крылья выросли? Уже смеешь так с нами разговаривать? Забыл, кто тебя приютил и кто вырастил до таких лет?

— Тебя всего лишь просят сходить за едой, а не жизнь отдать. Чего столько разговоров? Разве можно заставлять твоего младшего брата заниматься такой грязной и тяжёлой работой? Ты же старший — неужели не понимаешь, что младшему надо уступать?

Мо Фэйна тут же подхватила:

— Вот именно. Человек должен отличать добро от зла. Не зря говорят: милость воспитания выше неба. Нужно уметь быть благодарным. Иначе чем ты от животного отличаешься?

Видя, что юноша всё ещё упрямится, Мо Фэйна смягчила тон.

— Эх, такая уж у меня несчастная судьба. Я была совсем молодой, когда старшего брата и невестки не стало, а потом и мама за ними ушла. Тогда все остальные родственники говорили, что ты приносишь несчастья.

— Только я тебя не бросила и даже добилась права опеки, лишь бы ты смог нормально вырасти. Когда ты в детстве простужался или температурил, кто, если не я, каждый раз тащил тебя на спине в больницу?

— А теперь вырос и решил стать неблагодарным волчонком...

Мо Фэйна говорила так скорбно, что слушавшие могли бы и сами расчувствоваться.

Тот, кто не знал правды, наверняка решил бы, что юноша совершил нечто ужасное.

В конце концов под бесконечными напоминаниями тёти о её «милости» юноша, прислонившись к стене, кивнул.

Мо Фэйна и Ло Дахань тут же стали необычайно заботливыми и принялись один за другим давать ему всевозможные наставления и предостережения.

Только Ло Яоцзу вызывающе покосился на юношу.

Тот сделал вид, что не заметил его выражения.

Отправляться сегодня было уже невозможно. Оставалось ждать следующего дня.

Ночью юноша при тусклом лунном свете гладил пальцами фотографию.

На снимке супружеская пара держала на руках младенца.

Мужчина был высоким и красивым, женщина носила очки и выглядела интеллигентной и элегантной. Они оба смотрели не в объектив, а на малыша у себя на руках и счастливо улыбались.

Юноша долго смотрел на фотографию.

На её ламинированную поверхность упала слеза.

Он поспешно вытер её, ещё долго не сводил глаз со снимка и лишь потом бережно, словно драгоценность, убрал фотографию в коробку под раскладушкой.

Рёв чудовищ снаружи по-прежнему заставлял сердце сжиматься от страха.

Засыпая в полузабытьи, юноша ворочался беспокойно.

Но стоило приблизиться знакомому присутствию, как его нахмуренные брови тут же разгладились.

Мо Ли с некоторым удивлением посмотрел на юношу, который так и норовил забраться к нему в объятия.

Заметив красноту в уголках его глаз, он протянул руку и осторожно коснулся этого места пальцем.

Погладив его некоторое время, Мо Ли посмотрел на заметно заострившийся подбородок юноши.

Всю эту неделю он собственными глазами наблюдал, как тот худеет.

Пережив всё это однажды, Мо Ли прекрасно знал: при нехватке еды Мо Фэйна и Ло Дахань наверняка почти ничего не оставляли юноше.

Конечно, он мог прямо сейчас разобраться с Мо Фэйной и Ло Даханем, а потом досыта накормить юношу.

Но так поступать было нельзя.

Юноша лишь начнёт его опасаться.

Мо Ли нужно было завоевать его полное доверие — только тогда он сможет увести его с собой.

Чёрная лоза, уже прекрасно знавшая дорогу, обвилась вокруг тонкой гладкой голени юноши и, устроившись там, больше не собиралась двигаться.

Увидев это, Мо Ли без всякой жалости отодрал её.

Лоза тут же принялась капризно извиваться.

Она была словно частью самого Мо Ли, поэтому он мог ощущать исходившие от неё тончайшие оттенки радости, гнева, печали и удовольствия.

Сейчас было совершенно очевидно: чёрная лоза ластилась и хотела прижаться к юноше.

— Что за странная привычка у тебя?

Мо Ли не стал обращать внимания на лозу и силой загнал её обратно в тело.

Последние два дня было не жарко, так что охлаждать юношу с помощью чёрной лозы не требовалось.

<http://bllate.org/book/20329/2041674>